

Е. Е. Ходченко

КАНАДСКИЙ ФРОНТИР ГЛАЗАМИ ИММИГРАНТОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Статья посвящена психоэмоциональному восприятию иммигрантами из украинских земель процесса переселения, обустройства на фронтирных территориях канадского Среднего Запада, переосмыслению понятий «свой» - «чужой».

Ключевые слова: фронтир, Канада, иммигрант, историческая память.

В исторической науке все чаще обращают внимание на проблемы человека в истории, его внутренний мир и личное восприятие событий. Когнитивный подход к истории позволяет рассмотреть прошлое с нового ракурса, с ракурса субъекта событий. Источники личного характера (дневники, мемуары, письма), а также колониетский фольклор были своеобразной реакцией на события в жизни переселенцев. В них отражены чувства, настроения, переживания, мысли современников того времени, анализ которых дает возможность представить «картину» событий в деталях, прочувствовать атмосферу происходившего.

Изучению судеб украинцев, меннонитов в Канаде были посвящены работы как отечественных, так и зарубежных исследователей (В. Макар, С. Атаманенко, А. Андерсон, Р. Лёвен и др.), однако, к сожалению, в большинстве исследований не уделено должного внимания восприятию действительности самими новоселами и формированию специфической ментальности, приведшей к образованию обособленных «культурных поселений» и агломераций, способствующих психологической адаптации переселенцев к условиям фронтаира.

Понятие «фронтир» предложил американский исследователь Ф. Дж. Тернер, который выделял особую границу, отделяющую зону оседлости и «дикие» регионы государства, требующие колонизации и хозяйственного освоения. Фронтир имеет ряд характерных особенностей: во-первых, это пространство взаимодействия разных культур; во-вторых, отдалённость от зоны оседлости способствует уменьшению государственного регулирования и формированию самоуправления; в-третьих, фронтирные регионы открыты для любых нововведений,

быстрого прогресса и ландшафтных преобразований. Территории канадского Среднего Запада конца XIX – начала XX вв., ставшие новым домом для сотен тысяч иммигрантов из украинских земель, являются классическим примером фронтальной зоны, заселение которой повлияло на формирование этнической и культурной мозаичности канадского общества. Необходимо отметить, что мозаичное общество всегда разделено на определенные культурные среды, каждая из которых воспроизводит «свою» культуру, используя особенные, только ему присущие маркеры и «историческую память». Именно они позволяют создавать в мироощущении этногруппы виртуальные границы прежней родины и сохранять «этнический код» в чужом обществе.

Период конца XIX в. ознаменовался трансформационными процессами, проходившими как в Российской, так и Австро-Венгерской империях в состав которых входили украинские земли. Реформы в политической, социальной и культурной сферах, а также экономический кризис создали условия «выталкивающие» этнические меньшинства из обжитых мест.

Большинство земледельцев обеих империй обладали, как правило, небольшим клочком земли¹, часто арендованным, который не мог прокормить увеличивающиеся семьи при бесперспективности получения дополнительного заработка. О сложной ситуации в селах сохранились воспоминания очевидцев. Например, Тимофей Мацькив писал: «...нікчемні заробітки на панських ланах за 25-30 крейцерів на день і ще на власних харчах, або за дванадцятий сніп» [4, с.10]; Василь Пласконис указывал, что «корчма перетворилася для села в прокляття, стала кровожерливим павуком. Селяни найбільше терпіли від торговців і шинкарів..., які вміли при кожній нагоді втягнути господаря в борг, а потім тягнути відсотки... поки не доводили боржника до повної руїни» [5, с. 51]. Иногда и сама природа выступала против людей. Так, по воспоминаниям иммигрантов чуть ли не «библейская засуха» поразила западные украинские земли в 1889 г.: «...на полях трескается земля, ветер носит целые тучи пыли, зерно засыхает в колосьях, трава... горит под палящим солнцем» [Цит. по кн.: 6, с. 167]. Скот кормить было нечем, чтобы прокормить семью, крестьяне вынуждены были за бесценок продавать все имущество, в том числе лошадей и коров, и оставаться без средств к существованию. В результате, как заметил М. Поллак, «Той зимой многие умирали от голода и болезней» [6, с. 172].

¹ На западных украинских землях владелец 15 моргов (20 акров) считался зажиточным [2, с. 72].

В таких условиях новости о том, что за океаном почти даром правительство Канады раздает по 160 акров¹ земли на семью, правда в «целинных» прериях, где обитали воинственные индейцы, стали вестями надежды.

В результате ситуация привела к масштабному переселению украинцев, немцев, евреев, а также меннонитов в канадские прерии. Еще одной весомой причиной переселения было нежелание служить в армиях, как российской, так и австрийской. Кроме земледельцев выезжали также мастеровые – ткачи, токари, портные и др. Проезд через океан стоил 80 долларов с человека.

Из украинского фольклора:

«Був ковальчик поля і біла корова,
Всю то нам поїла та твоя дорога» [1, с. 42].

Выезд односельчан был трагическим событием в селе. Тот же Василь Пласконис свидетельствует: «С эмигрантом прощались, как будто он шел на войну, как с покойником» [5, с. 19]. И действительно, уже в пути через океан многие погибали. Из дневника Альберта Зейца: «В 1903 г. семья села на корабль в Канаду. Условия были очень плохими, многие заболели и умерли, в том числе трое детей Иакова и Кристины Зейц. Мария была единственная выжившая. Будучи довольно близко к Канаде, мертвых не похоронили в море, их похоронили по прибытию в Галифакс» [9, с. 519].

Как же Америка встречала переселенцев? Здесь господствовал лозунг «Help youг self». Улас Самчук так описывает впечатления переселенцев из украинских земель в первые дни в Америке: «Відмінну ворожість знаходив тут наш піонер... Його ворогом були корабель, причал, митниця, урядовці, агенти, вулиця, залізниця. Це були його дикі звірі, його індіяни ..., він стояв тут німий, самотній... Стільки людей, а він у безлюдці, стільки будівель, а він без даху, стільки їжі, а він голодний, стільки галасу, а він німий, як риба» [7, с. 32]. Дальнейший путь к «своей земле» лежал через полконтинента и переселенческие дома, бывшие рассадниками паразитов [2, с. 107].

Психологическое состояние и душевный настрой после двух лет пребывания в Канаде ярко выразил в своих стихах, написанных в 1898 г., Савва Чернецкий:

«Приїхав я до Канади, щоб краще прожити,
Тут мя воші заїдають, короста свербить,

¹ Один акр=0,4 га.

Всюду сумно, непривітно, комарі, біда,
Дикі гори, нагі степи, мочарі, вода.
Зимній вітер Сиберійський, мороз серед жнив
Тебе Господь, Канадонько, похапцем створив
Пусто-глухо куди гляну, аж душа дрожить
З жалю серце завмирає, кров ледве кружить.
Врешті туга бесконешна душу перейма
Соловейко, весни плаче, а тут лиш зима [2, с. 102].

Более суровый климат, чем на Родине (снег порой в конце мая, в начале лета, заморозки в августе-сентябре) поначалу пугал пионеров. Фронтирные территории представляли собой бескрайнюю необжитую лесостепь, местами заболоченную весной, где до осени царствовали комары, не давая покоя ни людям, ни скоту. Глубокий снег или непогода, порой на месяцы пленяли поселенцев в их жилищах. По воспоминаниям Иоганна Майера (иммигрант 1899 г.): «В первую зиму случилась страшная метель. Видимости не было на расстоянии трех футов. Отец привязал веревку от двери дома до коровника и ходил кормить скот и за дровами держась за нее. Мы боялись, что крыша не выдержит тяжести снега..., выйдем мы живыми или будем раздавленными» [9, с. 259]. По воспоминаниям Франца Бехлера, немца с Волыни, в районе Саскатуна первого июня 1903 г. выпал снег глубиной 7–8 см [8]. Особое беспокойство первопоселенцам доставляли вездесущие комары. Вот, как описывает эту проблему Петро Зварич (иммигрант 1900 г.): «Коли від половині квітня настала гарна погода і почало тепліти, то москіти налітали хмарами з багнищ і оточували хати та пхалися до середини сотнями, сідали на особу чи скотину і пили кров немилосердно. Давні поселенці вже частково були до них призвичаєні і їм не так свербіло та боліло, бо їх кров вже була затруєна і вони не пухли так, як свіжі іммігранти. Сі нещасні мало що не божеволіли з того болю і їм було прикро знести ті торттури. Як в день, так і в ночі москіти шукали здобич і треба було безнастанно курити окур і то такий, щоб чорний дим злягав подвір'я. Коли їхали в дорогу, то на кінці дишла прив'язували ведро, а в нім, сухий гній курився і розганяв москітів від коней. Коли треба було робити на полі, або на сіножаті, то конче треба було одівати рукавиці, ходити в черевиках, а жінки в штанах, а на голові мати капелюх з широкими крисами, з котрих довкола звисала сітка, стягнута щільно довкола шиї. Було кілька родів тих комарів, майже кожного місяця інший ґатунок: то жовті, то сиві, то малі, то великі, а в додатку ще якісь їдовиті мушки під осінь з'яв-

лялися і сі так само і людину і тварину сильно кусали. Окрім комарів і мушок також і блошиці в'їдалися нашим людям в перших початках. Треба було надзвичайних зусиль щоб їх вивести» [2, с. 116–117]. Описание той же проблемы дает немецкий иммигрант Альберт Кочаник: «Облака москитов покрывали лошадей, как покрывало: они – всюду, их можно собирать горстями... В таких условиях лошади, которые выросли в прериях, умирали от болотной лихорадки» [14, с. 30, 31]. Поиск подходящего участка для заселения был также нелегким испытанием. Порой переселенец, прожив некоторое время на выбранной земле, приходил к заключению, что она мало пригодна для сельского хозяйства по своему качеству или месторасположению. Приходилось искать другой участок. Дело в том, что в канадских прериях не везде можно было найти источники питьевой воды. И. Штанг (переселенец из Причерноморья) в своих воспоминаниях писал: «Если поселенец был удачлив, то находил воду, выкопав колодец на глубине 10–13 метров. Если нет, то должен был пробовать в другом месте. Некоторые не находили нигде и должны были возить ее в течение многих лет» [13, с. 6]. Немецкие фермеры, поселившиеся вблизи Иозефбурга имели в округе всего один колодец с питьевой водой. Из дневника Ивана Дандуряка, сопровождавшего профессора Львовской учительской семинарии О. Олеськива в его путешествии по Канаде в 1895 г. узнаем: немец Г. Гейнман за четыре года поиска выкопал восемнадцать шурфов, но воды так и не нашел [3, с. 128]. Но главной проблемой переселенцев (украинцев, немцев, меннонитов, моравских братьев) была бедность. Вот как описывал первые поселения пастор Генрих Шмидер в 1889 г.: «...остановившись на краю роции, мы увидели несколько крыш. Остальные части зданий были в земле. Нужно было наклониться и спуститься по нескольким ступеням, чтобы очутиться в комнате... Я нашел, что она влажная и нездоровая для жизни ... Единственное достоинство такого жилья – дешевизна, примерно 3 доллара, столько, сколько стоят два маленьких окна и гвозди. И это очень важно отметить, так как этим людям нужно отдавать долги еще пару лет. Кровати, столы, стулья – все самодельное» [15, с. 125].

Большинство прибывших из украинских земель были малообеспеченными, а для выращивания первого урожая необходимо было вспахать целину, засеять ее, собрать и сохранить урожай. Из 150 человек приехавших с П. Зварычем, только две семьи имели достаточно средств для ведения хозяйства. Ведь пара коней стоила 350–400 долларов, воз – 80, плуг и бороны – 30, печь – 50 [2, с. 106–108]. Такое же бед-

ственное положение было и среди моравских братьев, и среди немцев [3, с. 127,131,132; 16]. Поэтому большинство мужчин оставляли семьи на гомстеде и устремлялись в города или на строительство железной дороги, где можно было найти работу. П. Зварыч вспоминает: «працюючи на будівлі залізниці заробляли за 10 годин 75 центів..., коли за літо заробляли 80 доларів були вдоволені» [2, с. 172]. За такую сумму можно было купить чугунную печь для обогрева зимой хижины-полуземлянки и корову-кормилицу всей семьи или продовольствие на зиму. Из воспоминаний иммигрантов: «Жили в хатині-ямі, що була збудована з дернюк. Навкруги болота, ліс і мочари й тьма-тьменна комарів. Вівків треба було відстрашувати стріляючи від хати»; «в 1899 році ми приїхали до Сифтону..., нас було двоє – Маруся маленька... в мами на руках, а я вже бігала. Тоді тато викопав в землі маленьку таку комірку і пішов. Він казав: «...то вже не зима – день буде теплішим, а я підудесь якогось фермера здиблю»... Так пішов на ціле літо робити і лишив нас у тій маленькій буді... Мама мала роскаль, мали в скрині насіння, бараболу, горох, цибулю – всьо привезли з Старого Краю. І вона взяла роскаль і пішла цілину копати. Деякі корчаки вимикали, викорчовували і роскалем робила поле, аби засадити бараболу, засадити цибулю [1, с. 47–48]. Дети часто помогали по хозяйству. «Марія держала за чепіги, Єлена ішла обіч нею з сокирою в руках. Єлизавета вела волів. Підійдуть у такій процесії пару кроків і стануть – щось задержувало плуг у землі. Марія сіпає плугом то туди то сюди, Єлена помагає їй..., бере сокирку цюкає щось так і вони знов поступають» [1, с. 157]; «Мати рано передавала обов'язки і опіку за меншими дітьми на старших. У дівчини в п'ятнадцять років були такі завдання на день: нагодувати п'ять душ, помити начиння, попрайти, телят від корови відлучити, до квочки подивитись, поросяткам пійло зробити, дерть на вечір свиням запарити, сіно коням насунути, начерпати в жолоб води, обід наготовити, вечором хліб розчинити..., коли мама прийде з поля тісто буде готове тільки в піч саджати» [1, с. 187]. Совместными усилиями женщины и детей можно было освоить только небольшое поле, используемое обычно под огород. Пользовались также лесными дарами, собранными про запас (грибы, ягоды). Ловили лесных кроликов. Часто в продолжительную зиму еды не хватало. Голодали. Из воспоминаний Иоганна Майера: «Папа уехал на заработки далеко... в Медисон Хэт. Когда он вернулся на Рождество, то привез несколько мешков картошки..., у нас ее не было в течение восьми месяцев» [9, с. 293–297]. У кого были деньги совер-

пали поездки за продовольствием в ближайший населенный пункт к железной дороге. Такой путь был далеким и сопряжен с опасностью заблудиться, особенно, когда путников заставляла непогода (снег, туман) в незнакомой местности, где не было ориентиров. Из дневника Йозефа Шехтеля, который в 1908 г. вместе с двумя спутниками предпринял такую поездку на расстояние в сто миль: «...Земля была покрыта снегом и никакого признака дороги... Временами туман был настолько густым, что видимость составляла 200 или 300 футов. Пользовались компасом. Мы молились, чтобы Св. Иосиф указал нам путь к дому. Наконец, через тринадцать дней странствий мы вернулись. Это было большим облегчением для наших близких. Они уже думали, что мы заблудились и умерли от голода» [12, с. 625–630]. Статистики смертности среди первопоселенцев нет, но в дневниках часто упоминаются такие случаи. Известно, что из-за недоедания и отсутствия печей для обогрева в общине моравских братьев прибывших с Вольни в 1894 г. умерло 12 детей [11, с. 8]. Горе от потери близких отразилось в украинском фольклоре:

«Вже рочок минає як ти нас покинув,
заробити хліба в чужий край полинув...

Ваш Іван у гробі, забила го глина.

Забила го глина в Калінто Манітобі» [1, с. 42–43].

В некоторых случаях правительство Канады (когда оно было осведомлено о голоде) оказывало помощь продовольствием. Существовала и взаимовыручка бывших соотечественников. Так, меннониты спасли сотни жизней моравских братьев [16, с. 144]. Дружественные отношения были и с аборигенами. Из воспоминаний И. Майера: «...индейские женщины были большим подспорьем для моей матери...Они научили ее как разместить в палатке камни у костра, чтобы они лучше сохраняли тепло, как держать долго огонь при нехватке дров, а от этого зависела и жизнь, и здоровье..., как с помощью муки лечить любую опрелость..., как пеленать на индейский манер, чтобы у детей были прямые и сильные спины..., как сохранять ягоды на зиму и многое другое» [9, с. 295]. Братство и гостеприимство были присущи всем этническим группам, прибывшим из украинских земель на фронтальные территории в ходе первой волны массовой эмиграции. Все свободное время стремились проводить вместе. Из воспоминаний Готфрида Хильдермана: «...собирались в конце рабочего дня, а по воскресеньям приезжали из отдаленных ферм. Во дворе школы устраивали пикники, танцы, рождественские концерты, играли в карты. Здесь старые и молодые проводили

время до поздней ночи» [10, с. 343]. Путников, даже незнакомых, часто пускали на ночлег, кормили не требуя платы [3, с. 126, 130,139]. Соседи помогали друг другу в строительстве домов, вспашке, сенокосе. И это было особенностью их менталитета, в отличие от канадско-британских порядков.

Суровые условия жизни канадского Среднего Запада компенсировались плодородной землей, позволяющей в благополучные годы получать отличные урожаи. Например, длина колоса пшеницы, по свидетельству И. Дандуряка, составляла 17 см, а количество колосьев выросших из одного зерна – 34–38 штук [3, с. 121,130]. В своем дневнике он приводит пример немца Лембергера (прибывшего из-под Самбора), который «посіав 160 бушелів пшениці, вродило 3500, сіяв 3 бушелі вівса – вродило 100. На акр висаджується 10 бушелів картоплі, а принести має понад 200» [3, с. 128]. В таких условиях, даже прибывшие почти без средств, через 5–6 лет становились самодостаточными фермерами [2, с. 132]. К сожалению, рост благосостояния и общение с англо-канадцами повлияли на ментальные черты второго и третьего поколения переселенцев. Хлебосольность и радушие сменялись меркантильностью, желанием за все получить оплату. Из воспоминаний П. Зварыча: «В Едмонтоні немало українців замали заїзді дома де приймали і іммігрантів і робітників, брали по 10 центів з особи на добу» [2, с. 132]. Стали меняться также соседские и родственные отношения. Это нашло свое отражение в канадско-украинском фольклоре.

«Перші такі роки були:

Жита ся родили,

Ой брат брата мав за брата,

Сестри ся любили.

А тепер вже такі роки:

жита ся не родять

Ой брат брата забуває,

Сестри ся не сходять.

Вже брат брата забуває,

Сестри ся не люблять,

А як вийду на вулицю

Єдна другу судять» [1, с. 60].

В заключение следует отметить, что тяготы первых лет жизни способствовали объединению иммигрантов в этнические поселения, в которых формировалась особая культурная атмосфера. Этническому

единению в новой стране способствовали три фактора: использование родного языка, земляческая солидарность, этнические учреждения, в которых важнейшую роль играла церковь. Необходимо заметить, что, несмотря на определенную обособленность этнических групп, большое расстояние между ними, было немало примеров взаимопомощи и взаимовыручки среди бывших соотечественников разных национальностей, что говорит об их психоэмоциональной связи.

1. Герус-Тарнавська І. Образ жінки в Українському Канадському фольклорі / І. Герус-Тарновська // Український історик: журнал історії та українознавства. – Ч. 1–2 (108–109). – Нью-Йорк, 1991. – Т. 28.
2. Зварич П. Спомини 1877–1904 / П. Зварич. – Вінніпег, Канада, 1976.
3. Костюк М. П. Німецькі колонії кінця ХІХ в. в Канаді очима галицького крест'янина / М. П. Костюк // Історія німецької колонізації в Криму і на юге України в ХІХ–ХХ вв. : матеріали Міжд. научної конференції, присвяч. 200-літтю переселення німців в Крим (6–10 юнія 2004 г.). – Симферополь, 2007. – С. 117–142.
4. Мацьків Т. З над Дністра на канадські прерії. Мій життєвий шлях / Т. Мацьків. – Едмонтон, 1963. – 208 с.
5. Пласконіс В. З рідного села в широкий світ. Спогади / В. Пласконіс. – Сент-Катерінс, Канада, 1975. – 256 с.
6. Поллак М. Цісар Америки. Велика втеча з Галичини / М. Поллак. – Львов, 2015.
7. Самчук У. Следами піонерів. Епос української Америки / У. Самчук. – Нью-Йорк, 1995. – 269 с.
8. *A Memoir* by Franz F. Boechler, Jr. Allan, Saskatchewan / ed. by H. Schuler [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://library.ndsu.edu/grhc/dakotamemories/2006/boechler_w/images/mymemories.pdf
9. *Cypress hills country*. – Elkwater, Alberta: Cypress Hills (Alberta) Historical Society, 1991.
10. *Last Mountain echoes: a family and school history of Govan & district*. – Govan: Govan & District Local History Association, 1980.
11. *Local and general news* // Moose Jaw Herald Times. – 1894. – 5 October. – P. 8
12. *Prairie legacy: [Grosswerder and surrounding districts]*. – Grosswerder and Districts New Horizons Heritage Group: Unknown, 1980. – P. 625–630.
13. *Stang W. J. Lest We Forget: The Memoires of a Prairie Pioneer* / W. Stang – Macklin, Saskatchewan, 1978.

14. *Taming a wilderness: a history of Ashern and district*: Ashern historical Society, Ashern, Manitoba, 1976.
15. *The first hundred years : around Churchbridge, 1880–1980* / R. Swanson. – Churchbridge History Committee. – Altona, 1980.
16. *Vitt Kurt H.* The founding of the Moravian church in Western Canada and The Andreas Lilge story. – Published by Canadian Moravian Historical Society, 1983. – P. 144.

Ходченко О. О. Канадський фронтір очами іммігрантів (кінець XIX – початок XX ст.)

Стаття присвячена психоемоційному сприйняттю іммігрантами з українських земель процесу переселення, облаштування на фронтірних територіях канадського Середнього Заходу, переосмислення понять «свій» та «чужий».

Ключові слова: фронтір, Канада, іммігрант, історична пам'ять.

Khodchenko H. The Canadian Frontier through the Eyes of Immigrants, Late 19th to Early 20th Century

The article is devoted to the immigrants' psycho-emotional perception of the resettlement process from Ukrainian lands to frontier areas of Canadian Midwest, rethinking the concepts of «ours» and «alien».

Keywords: frontier, Canada, immigrant, historical memory.